

П.А. Плетнев

О жизни и сочинениях В.А. Жуковского

Х

Между тем как Жуковский с такой строгостью судил себя и готовился к новому поэтическому труду с такою добросовестностью судьбе угодно было послать неожиданный оборот кабинетным его занятиям. Ему суждено было соединить с живою поэзией тихую педагогию. Он избран был для преподавания уроков русского языка государыне великой княгине, ныне императрице Александре Федоровне. Ничего нет назидательнее, как созерцание и изучение жизни великого человека, особенно во время переходов его с одного поприща на другое, когда он должен не только показать новые силы ума, но и быстро усвоить новые способы занятий. В этих-то случаях Жуковский и представляет собою образец, достойный подражания. С удивительным спокойствием и терпением он принялся за обрабатывание грамматики русского языка и особенно за исследование глаголов его, этой загадки, до сих пор вполне не разгаданной. Жуковский чувствовал, что надобно собственным взглядом и собственными соображениями переселить науку в душу свою, когда приходится в ее лабиринт вводить другое лицо. Чужая система, как бы хороша ни была она, не срастается органически с нашими суждениями. Слова, приготовленные для нас чужим умом, как-то неубедительны в устах наших. Им следует выработаться в нашей душе и звучать силою собственного убеждения нашего. Он ревностно обработал каждую часть русской грамматики и так облегчил спряжения, что ему самому весело было с любопытствующими рассматривать узоры этих иероглифов. Об одном нельзя не пожалеть: Жуковский в продолжение следующих годов жизни много составил руководств и пособий по разным наукам, а ничего не издал для общего употребления. Сперва удерживался он естественною скромностью, а наконец продолжительная разлука с друзьями и отечеством не допустила его до исполнения мысли, которую он лелеял и о которой беспрестанно говорил в своих письмах.

«Чтобы обратиться к моим педагогическим занятиям (которые не без поэзии), — писал он в последнее время, — я желал бы составить полный курс домашнего, систематического учения, составить его так, чтобы он мог пригодиться и в других семействах, чтобы отцы и матери могли им пользоваться, не прибегая к помощи наемников. Но удастся ли это? Глаза служат плохо; работать долго стоя, как я привык прежде, уже не могу: ноги устают; сидя работать также долго не могу: кровь бежит в голову. И как нарочно, думая, что в 1848 году отправлюсь в Россию, я все свои педагогические работы отослал вместе с нужными книгами в Петербург. Надобно начинать снова: время не терпит. А когда буду на месте — как узнать? Еще не знаю, где будет мое место!»

В другом письме об этом же предмете он говорит:

«Я не намерен печатать ничего в прозе, кроме разве моих грамматических таблиц, моей живописной азбуки, моей живописной священной истории, моей мнемонической арифметики и моего исторического атласа древней истории, который постараюсь привести к окончанию до моего отъезда из Бадена».

Еще замечательнее то красноречие, с которым защищал он свою педагогию, когда вызывали его от нее к поэзии.

«Не горюйте (отвечает он в одном письме), что я, отложив поэзию, принялся за детскую азбуку. В этом занятии глубокая жизнь. Первое воспитание, первые понятия детей принадлежат, как святейшее, не разделяемое ни с кем сокровище, отцу и матери. Кому можем мы уступить эту прелесть первого знакомства с первыми проявлениями душевной и мысленной жизни нашего младенца? что сильнее может утвердить союз сердец между родителями и детьми, как не этот *совокупный* вход, *одних* *обратно*, в детские их лета, воскресающие перед ними в младенчестве их детей, а *других вперед*, на первый, свежий, только начинающий расцветать луг их лучших лет, рука в руку с отцом и матерью, которые одни могут играть с ними на этом лугу, забывая свои зрелые или старые лета?»

Далее он прибавляет:

«Нет, мой милый! это педагогическое занятие не есть просто механическое преподавание азбуки и механический счет — это педагогическая поэма, в которую все входит и которой никто не может сочинить с таким единством, как сам отец, если только он имеет к тому призвание».

Уже по этим отрывкам можно судить, как он был способен увлечься новым трудом, совсем на новом поприще, и сколько в глубокой душе его лежало умственных сокровищ!

XI

Как ни строго исполнял Жуковский свои обязанности в новой должности, поэтически деятельная мысль его изобрела средство слить в одно занятие поэзию и языкоучение. Августейшая слушательница уроков его помнила наизусть лучшие небольшие стихотворения из первоклассных немецких поэтов. Преподаватель русского языка, одаренный необыкновенным талантом воссоздать всякое произведение поэзии на языке отечественном, не изменяя не только идей и красот его, но сохраняя даже в каждом стихе его число и порядок его слов, начал переводить эти перлы поэзии. Можно вообразить всю занимательность и прелесть преподавания, когда основанием урока служило чтение восхитительных стихов на двух языках; когда одни и те же мысли, рассказы, описания, картины незаметно печатлелись в уме, обогащая память не звуками без образов, а проникающими в душу словами, из которых при каждом по-русски оставалось все то, что так было неразлучно при нем по-немецки. В этом счастливом настроении ума не трудно уже было дополнять его приобретения указаниями на таблицы склонений и спряжений. Можно поэтому сказать, что вернее Жуковского никому не удавалось приводить в исполнение знаменитое Горациево правило: *приятное с полезным*. Переводы для особого назначения, вылившиеся из-под пера поэта, он хранил как что-то освященное и потому напечатал их в самом небольшом числе экземпляров. Они выходили тетрадками в 12-ю долю листа на прекрасной бумаге с белой оберткой, где стояла на двух языках надпись: «Для немногих». В продаже никогда их не было. Их получили от автора некоторые особы, дорогие для его сердца <...>

XIV

Переход к новой, священной обязанности, к новым, важнейшим занятиям стройно и твердо на одном предмете сосредоточил все помыслы, все заботы высоко-прекрасной души поэта. Императору Николаю Павловичу, по вступлении на престол, благоугодно было избрать его в наставники при воспитании великого князя наследника. Может быть, после добродетельного Фенелона ни одно лицо не приступало к исполнению этой должности с таким страхом и благоговением, как Жуковский. Его воображение, ум и сердце, измеряя великость предстоящего подвига, уже заранее обнимали все его части, разлагали все в подробности, совокупляли в целое — и не было для них другой цели, кроме блага, чести и достоинства. Со времени поступления в преподаватели русской словесности при великой княгине он причислен был по службе к министерству народного просвещения и в 1823 году произведен в коллежские асессоры, а после в надворные советники. Ныне государь, в награду ревностной службы Жуковского, изволил пожаловать ему орден св. Владимира 3-й степени <...>

XV

<...>

Развивая общую деятельность сотрудников своих по начертанному им плану учения наследника, Жуковский в то же время озабочен был приготовлением отдельных соображений, по которым надлежало устроить преподавание наук великим княжнам Марии Николаевне и Ольге Николаевне. Высокая доверенность их императорских величеств возложила на него и эту лестную обязанность. Он получил для жительства своего ком-

наты в той части Зимнего дворца, где ныне с баснословным великолепием устроен Императорский музей. Ежедневно, лишь только должны были начинаться уроки, наставник порфирородных детей являлся для присутствия при них — и, полный внимания, оживленный участием, за всем следовал неослабно. Ничего нельзя вообразить умильнее картины, какую представляло это соединение, с одной стороны, людей в зрелом возрасте, стройно, ясно и назидательно излагающих важные истины, занимательные события или увлекательные описания, а с другой стороны, жадное внимание отроческого возраста, ждущего всему причины и усиливающегося все усвоить своей естественной любознательности. Жуковский был неутомим в изыскании средств, которые бы, облегчая приобретение, в то же время и укрепляли его в уме и памяти. Его жилище превратилось в мастерскую ученого художника, где по особым планам готовились все пособия для классных комнат. Но не одна наука так не занимала его, как «история», эта по преимуществу наука царей. Обработыванию ее пособий он посвятил наибольшую часть драгоценных изобретений своих. В неусыпных трудах его незаметно протекло полных пять лет со времени последнего его путешествия. Августейшие родители, с доверенными особами, приглашаемыми по уважению специальных сведений их в разных частях преподаваемых наук, каждый раз присутствовали на экзаменах. Успехи, к общему нашему счастью, находимы были соответствующими ожиданиям родителей. Благоволение монарха выражалось для всех ощутительно. Жуковский в течение этого периода достигнул чина действительного статского советника <...>